

ТЕЛЕПРЕМЬЕРА СОСТОЯЛАСЬ ВЧЕРА

# ВЕРЕНИЦА МАСОК

ВЧЕРА у романа Франсуа Рабле — великого писателя и гуманиста французского Возрождения — книги, прожившей уже более четырех столетий, появились не только читатели, но и зрители: главы из «Гаргантюа и Пантагрюэля» ожили на телеэкране в исполнении артиста МХАТа Александра Калягина.

...Павильон телестудии. Одна и та же лестница может вести и в башню средневекового

замка, и на галерею королевского дворца, и в винный погреб. Тяжелые монастырские переходы, парящая палуба корабля, кабинет писателя, зал суда — все здесь перемешано, одно является частью другого, перетекает в него, ничто не статично — словно материализовался знаменитый гротеск Рабле.

И на фоне всего этого фантастического нагромождения — книга и шутовской колпак, как эпиграф, как сим-

вол того, что предстоит услышать и увидеть.

И очень обычный, умный и чуть ироничный человек, в современном костюме, словно бы и отношения не имеющий к предметам, заполнившим студию. Он негромко, неторопливо прочел стихотворное предисловие автора — и вдруг кто-то сломал ритм: замелькали, мгновенно обжив декорации, то возникая из-за спинки кресла, то на верхней ступеньке лестницы, герои Рабле: Па-

нург, брат Жан, королева Квинтэссенция, господин Пейвино, Дю Дуэ, философ Труйоган...

В веренице масок, 45 минут говорящих, смеющихся, плачущих на наших экранах, нет главного героя книги. Пантагрюэль — идеальный герой Рабле, и может быть, поэтому режиссер А. Вилькин не поставил его в ряд тех, над кем автор зло издевается, мягко шутит или иронично посмеивается. Образ Панта-

грюэля в спектакле сливается с образом рассказчика, писателя, с образом самого Франсуа Рабле. И еще — с образом артиста А. Калягина, который и без грима — «единый в трех лицах».

Мы давно знакомы с Александром Калягиным: вспомним хотя бы его телеработы последних лет: жизнерадостного и простодушного Хардкестля из «Ночи ошибок», трогательно, беззащитного воспитателя Карла Ивановича

из трилогии Л. Толстого, простоватого и болезненно чуткого тургеневского Ислаева, тупого, жалкого садиста Магеля из многосерийного телефильма «Операция «Омега»...

Все они говорят об умении актера перевоплощаться. Почему же на этот раз создатели фильма отнеслись к способности исполнителя с меньшим доверием: до неузнаваемости гримировали его «за кулисами», не давая возможности войти в но-

вый образ на наших глазах. А ведь тогда возник бы эффект присутствия, посвящения нас, зрителей, в тайны актерского мастерства, появилось бы ощущение сиюминутности происходящего — ведь именно этим притягательно телевидение.

У актера была задача наитруднейшая: оставаясь самим собой, нашим современником, понять, почувствовать и дать почувствовать нам накал эпохи, давшей миру Данте, Леонардо да Винчи и Шекспира. Дать почувствовать накал произведений, в которых содержатся не только веселье и шутки, более или менее безобидные. Ведь автор

«иронической энциклопедии» чудом спасся от костра — его книга взрывала самые «священные» основы старого, веками устоявшегося уклада. Рабле посягал на старую политику, на старую религию. Его главы о телемской обители опережали утопии Мора и Кампанеллы.

Эту многослойность, серьезный «подтекст» романа поняли авторы телеспектакля: и постановщик, и исполнитель, и оператор А. Божко, и композитор Э. Денисов, так ощутимо приблизившие к нам великое творение Франсуа Рабле.

М. МАРТЫНОВА.